

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

В.Н. Калуцков

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОНОМАСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Под концептуализацией географического пространства понимается системная культурная инновация, нацеленная на создание новой географической картины мира. Концептуализация пространства связана с осознанным стремлением к преобразованию пространства путем создания идеологически или статусно новых мест.

В XX в. Россия и страны Ближнего Зарубежья испытали две волны концептуализации пространства – советскую и постсоветскую. Разные страны отличает разная направленность и интенсивность современных процессов «перенастройки» пространства. Однако для всех характерна десоветизация (а в ряде случаев и дерусификация) пространства при его активном насыщении национальными и религиозными компонентами.

В качестве элементарной единицы концептуализации пространства выступает геоконцепт: он представляет собой новое – инновационное – «имя места», которое обладает коннотативными значениями, отражающими определенную идею или раскрывающими ассоциативный образ места.

Рассматриваются два ономастических механизма концептуализации пространства – переименование места и повышение общественного статуса места (при сохранении прежнего географического названия). В связи с этим такой механизм концептуализации пространства мы назвали статусной возгонкой топонима.

Выделяются четыре типа геоконцептов (сакральные, политико-идеологические, этноисторические, этнокультурные), каждый из которых формирует свое пространство и сетевую структуру.

Калуцков Владимир Николаевич – доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: v.kalutskov@yandex.ru).

* Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект «Чтобы помнили...»: создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья).

Ключевые слова: культурная география; концептуализация географического пространства; топоним; геоконцепт; механизм концептуализации пространства.

Постановка проблемы. Проблема концептуализации географического пространства лежит не только в культурно-географической, но и в идеологической, политической и культурно-языковой плоскостях. Вместе с тем данная проблематика имеет глубокие исторические корни. Одним из первых «концептуализаторов» пространства был Александр Македонский, который не только военными методами расширял свои владения, но пытался формировать единое культурно-географическое пространство, покрывая империю новыми городами с одинаковым названием – Александрия.

В современном динамичном мире в связи со сменой политических режимов и идеологий, созданием новых государств актуальность проблемы концептуализации географического пространства более, чем очевидна. В разных странах и регионах направленность и интенсивность рассматриваемых культурно-географических процессов разная. Так, в прибалтийских странах в новой постсоветской топонимии наряду с этнокультурными (нередко националистическими) ясно прочитываются и западнические настроения; один показательный пример: Комсомольская улица в Таллине в 1990-е годы «превратилась» в... Американскую.

В среднеазиатских республиках в качестве идеологических оснований переосмысления пространства выступают этноисторические и исламские мотивы. В России процессы «перенастройки» культурного пространства наиболее активно протекают в национальных республиках. В то время как целый ряд регионов России представляет собой топонимический заповедник, в котором по названиям улиц можно исследовать систему советской топонимии и весь советский «пантеон».

В ряде случаев внутренние процессы культурного замещения усиливаются внешне инициированными процессами культурного подавления, напоминая нам, что холодная война никогда не закончится. Одним из ярких примеров такого рода является ситуация со стремлением заменить исторические русские топонимы в Антарктиде на западные. Этот случай вызвал даже ответную реакцию Кремля. Как отметил В.В. Путин, «сегодня мы сталкиваемся с ситуацией, когда русские названия, которые давали еще в прошлые века и десятилетия наши исследователи и путешественники, постепенно вытесняются с карты мира». При этом «примеры замеще-

ния названий – не только в далекой Антарктиде, есть примеры и тут поближе...»¹

Под концептуализацией географического пространства понимается его переосмысление в рамках новой – становящейся – географической картины мира.

Механизмы концептуализации пространства. Можно выделить два основных ономастических механизма концептуализации геокультурного пространства – с помощью замены топонима, или переименования места, и статусной возгонки топонима.

Важнейший ономастический механизм геоконцептуализации – переименование пространственных локусов, больших территорий или малых мест. Он нацелен на создание **нового пространственного смысла или образа** в контексте новой концепции пространства данного человеческого сообщества и связанной с ней формирующейся картины мира.

В концептуализацию могут вовлекаться как отдельные значимые локусы географического пространства (вспомним о трех знаковых – идеологически концептуальных – переименованиях Петербурга в XX в.: Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург), так и целые пространственные массивы.

Концептуальные переименования могут происходить, как «сверху», так и «снизу» в результате общественной инициативы. Цели переименований могут быть разные – от демонстрации новых идеалов до создания новой версии национальной истории. В качестве примеров современных массовых переименований можно привести города Украины или города в южных штатах США, где меняются названия улиц, носящих имя генералов-южан.

Переименования «сверху» связаны со сменой государственной идеологии и политики, со стремлением топонимически закрепить спорные пограничные территории или по другим причинам. Главной задачей концептуализации географического пространства является создание сети новых геоконцептов, которые и формируют новое геокультурное пространство. Задача-максимум адептов-идеологов нового пространства – новая общественная картина мира.

Интересно, что в истории России были случаи, когда переименование выступало в качестве общественного наказания. Таким образом за участие в пугачевском мятеже были наказаны яицкие казаки: город Яик переименовали в Уральск, река Яик – в Урал, а сами казаки стали уральскими.

¹ Заседание попечительского совета РГО. 27.04.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57377> (дата обращения: 12.04.2019).

Второй механизм концептуализации географического пространства – статусная возгонка топонима, иначе повышение общественного статуса места путем переосмысления локально-ранее широко неизвестного топонима в геоконцепт высокого (национального или регионального) уровня [Калуцков, 2016]. При этом, в отличие от первого механизма, прежний топоним сохраняется. Данный механизм работает таким образом: старому топониму передается новый, ранее неизвестный смысл, в результате чего место получает новый образ. Как правило, это действие выражает стремление общества к мемориализации данного места, сохранению исторической памяти или памяти о «гении места». Действие данного механизма поясним на известном примере, относящемся к Ясной поляне: в российском обществе образ Ясной Поляны уже столетие прочно связан с жизнью и творчеством великого писателя. В дотолстовское время об этом месте и о первичном значении топонима Ясная Поляна (поляна, расположившаяся среди лесов Большой за-черной черты) знали только местные жители.

Геоконцепт и топоним. **Не всякое переименование концептуально:** часто изменение топонима происходит естественным образом и связано с изменением географической ситуации – характера ландшафта, изменением социального, этнического или профессионального состава сообщества, сменой географического положения. **Концептуализация же пространства всегда имеет целевую направленность и связана с осознанным стремлением к преобразованию пространства путем создания идеологически или статусно новых мест.**

В качестве единицы концептуализации пространства выступает **геоконцепт [Калуцков, 2012].** Он представляет собой **продукт концептуализации географического пространства.**

В чем принципиальное отличие геоконцепта от топонима? Как справедливо полагает В.П. Сомов, «подавляющее число топонимов, функционирующих в языке, лишено коннотативных значений. Они являются лишь названиями географического места и не служат словесными метками его образа» [Сомов, 2015: 11–12].

В отличие от большинства топонимов геоконцепты содержат коннотации, связанные с историей места, раскрывающей идею или образ места. Если в топониме для нас важно «имя места», точнее его семантическое значение (что, например, значит Москва в финно-угорских или балтийских языках), то в геоконцепте важна идея или ассоциативный образ места («Москва – Третий Рим» или «Москва – какой огромный странноприимный дом...»). В связи с этим топонимы с их семантическими значениями исследует топонимика и этно-

лингвистика, а геоконцепты с их идеологическими и культурными смыслами – культурная география.

Иначе, геоконцепт представляет собой инновационное «имя места», которое обладает коннотативными значениями, отражающими определенную идею или раскрывающими ассоциативный образ места.

В отличие от связанного с местной культурной традицией топонима геоконцепт нередко представляет собой «придуманный» идеологический топоним (наиболее яркие примеры такого типа связаны с революционной топонимией, диссонирующей с историческим ландшафтом российского города). Со временем, когда общество привыкает к такой культурной инновации, геоконцепт превращается в топоним-ориентир (геоконцепт-память), простую метку городского пространства.

О неравномерности концептуализации географического пространства. Географическое пространство неоднородно. И в этом заключается причина неравномерной его концептуализации. В любой стране существуют пространственные зоны, которые «обречены» быть в состоянии постоянной геоконцептуализации. Во-первых, к ним относятся города, во-вторых, новые страны и регионы, и, в-третьих, территории культурных пограничий.

Город, и особенно столичный город, будучи центром любых культурных инноваций, представляет собой место постоянной концептуализации пространства в соответствии со сменой идеологий, важными историческими и культурными событиями. Особый интерес в исследованиях изменений геокультурного пространства представляют столицы как центры любых культурных инноваций.

Один из самых ярких случаев такого рода – концептуальные изменения названия центральной улицы в хорватском городе Вуковар: в XX в. она носила пять (!) названий, каждый раз меняя свое имя в соответствии с новыми культурно-политическими реалиями [Šakaja, Stanić, 2011: 511]. В начале века это была улица императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа, затем после распада империи ее переименовали в честь югославских королей Петра и Александра. Новый политический режим хорватских усташей назвал ее по имени своего лидера Павелича. Пришедшее ему на смену социалистическое государство поменяло название на улицу Тито, президента Югославии. Но и оно не удержалось в постсоциалистической Хорватии: улицу снова переименовали в честь первого президента Хорватии Туджмана. Как справедливо указывают авторы статьи, несмотря на частые переименования, сохранялся важный культурно-пространственный код места – главная улица города всегда называлась в честь главного лица государства [Šakaja, Stanić, 2011].

Но все всякого сомнения лидерами по концептуализации пространства выступают исторические центры столичных городов, включая их главные улицы. Именно центры столиц представляют собой лицо страны, поэтому новые идеологии реализуются в первую очередь в центральной части столичного города. На постсоциалистическом пространстве, похоже, первенство в данном вопросе держит восточный Берлин, который в течение прошлого века испытал три (!) волны концептуализации пространства – нацистскую, социалистическую и демократическую.

Геоконцептуализации подвержены и *пограничные территории*, особенно в ситуации пограничных споров. Для закрепления политических результатов Великой Отечественной войны в пограничных районах СССР (южная часть Дальнего Востока и Калининградская область) произошло массовое переименование китайских, корейских и немецких названий.

В разных географических картинах мира один и тот же географический объект может называться по-разному, что может быть связано не только с языковыми, но и с культурно-историческими причинами. В связи с этим именно на *культурных границах* обостряются культурные смыслы.

Рисунок. Балтийское море в разных картинах мира

Хорошим примером подобной ситуации является геоконцепт Балтийского моря, расположенного на культурных границах северно-европейских стран. Новгородцы называли море *Варяжским*, позже, вплоть до XIX в. на российских картах оно называлось *Остзейским морем* (свидетельство большой роли немцев в развитии российской науки, включая картографию). Ныне в странах, расположенных на восточных берегах моря, в русском, польском, литовском и латышском языках его называют *Балтийским* (рисунк). Однако в германских языках (немецком, датском, шведском, норвежском) оно называется *Восточным* (нем. — *Ostsee*), что отражает его местоположение к востоку относительно основного массива германских земель. Любопытный культурно-географический парадокс отмечается для финского языка и финской картины мира, где это море называется *Itämeri*, что означает *Восточное море*, хотя относительно Финляндии оно расположено к западу и югу. Очевидно, что парадокс представляет собой результат длительного воздействия шведской культуры и языка. В эстонском языке, в отличие от финского, «компасные» реалии отражаются точно: у эстонцев Балтийское море названо *Западным* (*Läänemeri*).

Данный пример убедительно показывает, почему на культурных границах, на разности культурных и языковых потенциалов создаются условия для межкультурной коммуникации.

Стабильность, политическая и культурная, и удаленность от Центра как источника культурных инноваций способствуют сохранению топонимических систем. По этой причине Русский Север исследователями-гуманитариями традиционно рассматривается как культурный (и топонимический) заповедник [Березович, 2000]. В связи с этим идеальной площадкой для классических топонимических исследований является историческая деревня в удаленном от крупных городов регионе.

Типы геоконцептов и механизмы их формирования. Выделяются следующие типы геоконцептов: сакральные, политико-идеологические, этноисторические, этнокультурные. В основании первого типа лежат религиозные идеи, второго – государственно-идеологические. В условиях религиозного государства сакральные и идеологические геоконцепты могут быть объединены в один тип. В обоих случаях «работает» первый механизм геоконцептуализации – переименование пространственных локусов.

При формировании этноисторических и особенно этнокультурных геоконцептов важен второй механизм геоконцептуализации – статусная возгонка, т.е. переосмысление локального, ранее неизвестного в обществе топонима, в геоконцепт национального или регионального уровня. Вспомним, как благодаря огромному поли-

тическому давлению «сверху» всей стране стала известна Малая земля, место, связанное с деятельностью Л.И. Брежнева во время Великой Отечественной войны (сейчас об этом месте помнят лишь некоторые представители старшего поколения).

Сакральные геоконцепты в традиционной картине мира связаны со святыми местами. В основе сакральных геоконцептов лежат мощные религиозные идеи; вероятно, по этой причине они так устойчивы.

Радонеж с Троице-Сергиевой Лаврой, Оптиная пустынь, Саров, Кизи, Соловки и другие русские православные геоконцепты в своей совокупности образуют сеть национального уровня. В этой сфере существует своя иерархия; наряду с национальным выделяются также региональный и локальный уровни, связанные с регионально и локально значимыми святыми местами. На этих же уровнях существовали и существуют ныне соответствующие сети паломничества, формирующиеся при перемещении паломников одного святого места к другому. Подобные сети сакральных мест Т.Б. Щепанская называет кризисными сетями [Щепанская, 1995]. Именно они поддерживают в пространстве сакральные сетевые структуры.

Политико-идеологические геоконцепты отражают государственную идеологию, светскую или религиозную. В отличие от других типов, которые формируются постепенно, политико-идеологические геоконцепты в ситуации смены государственной идеологии создаются в пространстве, как правило, массово; это продукт массовых переименований.

Иногда привычные географические названия несут на себе важную идеологическую нагрузку, т.е. являются геоконцептами. Например, таковыми являются ныне общепринятые географические названия – *Европейская Россия* и *Азиатская Россия*. В течение XIX–XX вв. эти геоконцепты были предметом жарких споров между западниками и славянофилами. Предложены они были в середине XVIII в. В.Н. Татищевым в ситуации обоснования границы между Европой и Азией по Уралу. Западный геополитический вектор развития России требовал, чтобы огромная страна стала похожей на другие европейские страны, включая европейскую организацию пространства (характерно известное выражение Екатерины Великой “*La Russie est une puissance européenne*”). Иначе, в качестве «европейской державы» страна должна разделяться на собственно европейскую центральную часть и удаленную «колониально-заморскую» окраину.

Разработку Татищева поддержал П.С. Паллас, обладавший огромным авторитетом в научном мире; она была принята в Европе и

России, а с помощью системы образования довольно быстро закреплена в русском обществе: «*Уральский хребет*, повторяем мы, *отделяет Азию от Европы*. Мы так привыкли (! – В.К.) к этим выражениям, что не предполагаем возможности и не чувствуем надобности выражаться как-нибудь иначе, точнее» [Ключевский, 1987: 63]. В результате Россия получала все атрибуты европейской империи – метрополию в качестве европейской России и колониальный «придаток» в виде азиатской России, или Сибири [Bassin, 1991].

Одним из первых мысль о несостоятельности разделения единой России на Европейскую и Азиатскую части высказал Н.Я. Данилевский, который рассматривал *Восточно-Европейскую равнину* и *Западно-Сибирскую низменность* как целостный естественно-географический регион, именуя Россию цивилизацией Великой равнины [Данилевский, 2008]. Наиболее последовательным критиком дефрагментации единого культурного пространства страны выступил географ-евразиец П.Н. Савицкий. По его мнению, идею исторической и природной целостности России-Евразии лучше всего отражают геоконцепты *Предуральская Россия* и *Зауральская Россия*, поскольку они указывают на положение исторической колыбели русского народа и объединительного центра страны. «Скажут: изменение терминологии – пустое занятие. Нет не пустое: сохранение названий России «Европейской» и «Азиатской» не согласуется с пониманием России (вместе с прилегающими к ней странами) как особого и целостного географического мира» [Савицкий, 1997: 279].

Как видим, казалось бы, нейтральные и привычные географические названия в свое время способствовали концептуализации географического пространства страны.

Этноисторические геоконцепты в своей совокупности отражают пространственную историю определенного человеческого сообщества, они обладают ясным историческим образом и во многом на их основе формируется национальная идентичность. Новгород, Киев, Куликово поле, Бородино, Ленинград, Сибирь... Все эти исторические геоконцепты прочно занимают место в русской историко-географической картине мира. Выпадение каждого из них воспринимается в обществе очень болезненно (вспомним случай Косово для сербов).

Не нужно забывать, что на разных этапах развития общества в связи с новыми концепциями истории государства формируются разные системы геоконцептов. Вспомним, что еще недавно история СССР-России «начиналась с 1917 года», поэтому среди русских исторических геоконцептов революционные и советские занимали прочное место. Ныне в связи десоветизацией российской истории они отошли на второй план.

Интересно, что некоторые исторические события настолько «срослись» в памяти народа с вполне определенным геоконцептом, что даже при его смене (при переименовании города) сохраняется предшествующее название. В связи с этим блокада города на Неве может быть только Ленинградской блокадой, а переломное в Великой Отечественной войне сражение – только Сталинградской битвой.

Этнокультурные геоконцепты – важная составляющая национального культурного пространства. Они состоят из мест рождения, жизни и творчества знаковых деятелей национальной культуры. Холмогоры, Михайловское, Болдино, Ясная Поляна, Плес, Арбат, Переделкино, Сростки представляют собой места поклонения и почитания национальных гениев, выдающихся писателей, музыкантов, живописцев.

Среди этнокультурных геоконцептов самой разветвленной сетью обладают литературные места; сеть охватывает не только мемориальные, связанные с жизнью литераторов места, но и ассоциативные литературные места, которые возникли в результате локализации литературных образов, например, Бежин луг, дом Лариных или «нехорошая квартира».

Этнокультурные геоконцепты, как правило, представляют собой не геоконцепты-переименования, а геоконцепты-переосмысления топонима. Напомним, что в данном случае действует такой механизм концептуализации географического пространства, как статусная возгонка топонима. Ярким примером переименования «снизу» в результате народного переосмысления стала Липовая аллея в Михайловском, по которой по преданию поэт гулял с Анной Петровной Керн; уже в середине 1930-х годов ее стали называть Аллей Керн, а в 1960-е годы устный («народный») топоним закреплен в изданиях².

Как правило, этнокультурные геоконцепты обладают сильным ассоциативным образом. Сеть этнокультурных геоконцептов подвержена изменениям в соответствии с веяниями времени.

Вместо заключения. К перспективным направлениям исследований концептуализации географического пространства относятся:

- границы картин мира и сопоставление геоконцептов в разных картинах мира как основы для межкультурной коммуникации;
- геополитические аспекты концептуализации пространства, включая «геоконцептуальные войны» разных картин мира и вопросы «геоконцептуального захвата» территорий;
- «перенастройка» культурного пространства в новых странах, в частности на постсоветском пространстве;

² Пушкинская энциклопедия «Михайловское»: В 3 т. Т. 1. М., 2003.

- современные разработки по концептуализации пространства стран и регионов, включая Россию;
- роль литературы в концептуализации географического пространства;
- Интернет и концептуализация географического пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 2008.
3. *Калуцков В.Н.* Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. Т. 1. 2012. № 1. С. 27–36.
4. *Калуцков В.Н.* «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 2. С. 100–107.
5. *Калуцков В.Н.* Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare, или О судьбе одной мифологической страны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 93–105.
6. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987.
7. *Павловский И.В.* Время и пространство в европейской и русской картине мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 119–133.
8. *Савицкий П.Н.* Географический обзор России – Евразии // Континент Евразия. М., 1997. С. 279–294.
9. *Сомов В.П.* Поэтическая география: Историческая, мифологическая, библейская и литературно-сказочная. Культурологический словарь. М., 2015.
10. *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб, 1995. С. 110–178.
11. *Bassin M.* Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographic Space // Slavic Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 1–17.
12. *Šakaja L., Stanić S.* Other(ing), self(portraying), negotiating: the spatial codification of values in Zagreb's city-text // Cultural Geographies. 2011. №18(4). P. 495–516.

Vladimir N. Kalutskov

THEORETICAL ASPECTS OF THE CONCEPTUALIZATION OF GEOGRAPHICAL SPACE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The conceptualization of the geographical space is a systematic cultural innovation aimed at creating a new geographical picture of the world. Conceptualization is associated with a conscious desire to transform space by creating by creating ideologically and / or status-new places.

In the twentieth century, Russia and the countries of the Near Abroad experienced two waves of conceptualization of space – Soviet and post-Soviet. Different countries

are distinguished by a different orientation and intensity of modern processes of “reconfiguration” of space. However, desovetisation (and in some cases, de-Russification) of space, with its active saturation with national and religious components, is characteristic of all.

The basic element of the conceptualization of space is a geoconcept: it represents a new, innovative, “name of a place”, which has connotative meanings that reflect a certain idea or reveal an associative image of a place.

There are two main mechanisms for conceptualizing space – renaming a place and raising the social status of a place (while maintaining the same geographical name). Therefore, we called this mechanism of conceptualization of space status sublimation of a toponym.

The types of geoconcepts (sacral, political-ideological, ethno-historical, ethno-cultural) are considered, each of which forms its own space and its network structure.

Key words: cultural geography; conceptualization of geographical space; toponym; geoconcept; mechanism of conceptualization of space.

About the author: *Vladimir N. Kalutskov* – Dr.habil in Geographical Sciences, Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies; Lomonosov Moscow State University (e-mail: v.kalutskov@yandex.ru).

REFERENCES

1. Berezovich Ye.L. 2000. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural'skogo un-ta. (In Russ.)
2. Danilevskiy N.YA. 2008. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. M., In-t russkoy tsivilizatsii. (In Russ.)
3. Kalutskov V.N. 2012. Geokontsepty v geografii [Geoconcepts in Geography]. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*, t. 1, no.1, pp. 27–36. (In Russ.)
4. Kalutskov V.N. 2016. “Imya” v geografii: ot toponima k geokontseptu [“Name” in geography: from toponym to geoconcept]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no. 2, pp. 100–107. (In Russ.)
5. Kalutskov V.N. 2018. Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare, ili O sud'be odnoy mifologicheskoy strany [Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare or the fate of one mythological country]. *Vestn. Mosc. un-ty. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 1, pp. 93–105. (In Russ.)
6. Klyuchevskiy V.O. 1987. *Sochineniya: v 9 tomakh. Tom 1: Kurs russkoy istorii. Chast' I* [Works: in 9 volumes. Volume 1: The course of Russian history. Part 1]. M., Mysl'. (In Russ.)
7. Pavlovskiy I.V. 2013. *Vremya i prostranstvo v yevropeyskoy i russkoy kartine mira* [Time and space in the European and Russian picture of the world]. *Vestn. Mosc. un-ty. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 2, pp. 119–133. (In Russ.)
8. Savitsky P.N. 1997. Geograficheskiy obzor Rossii–Yevrazii [Geographical survey of Russia – Eurasia]. *Kontinent Yevraziya*. Moscow, “Agraf” Moscow, pp. 279–294. (In Russ.)
9. Somov V.P. 2015. Poeticheskaya geografiya: Istoricheskaya, mifologicheskaya, bibleyskaya i literaturno-skazochnaya [Poetic geography: Historical, mythological,

biblical and literary fabulous]. *Kul'turologicheskiy slovar'*. Moscow, B.S.G.-Press. (In Russ.)

10. Shchepanskaya T.B. 1995. Krizisnaya set' (traditsii dukhovnogo osvoyeniya prostranstva) [Crisis network (traditions of spiritual mastering of space)]. *Russkiy Sever. K probleme lokal'nykh grupp*. SPb, Indrik, pp. 110–178. (In Russ.)
11. Bassin M. 1991. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographic Space. *Slavic Review*, vol. 50, no. 1, pp. 1–17.
12. Šakaja L., Stanić S. 2011. Other(ing), self(portraying), negotiating: the spatial codification of values in Zagreb's city-text. *Cultural Geographies*, no. 18(4), pp. 495–516.